

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ЦИНСКОЙ ИМПЕРИИ

THE POLITICAL SYSTEM OF THE QING EMPIRE

© 2021 **Олег Ефимович Непомнин**

Доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; distan@gmail.com

Oleg E. Nepomnin

DSc (History), Professor, Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow; distan@gmail.com

Олег Ефимович Непомнин (1935–2020), китаевед и востоковед широкого профиля, относился к числу наиболее ярких теоретиков развития восточных обществ. В апреле 2021 г. на базе Отдела истории Востока Института востоковедения РАН начал работу семинар имени О. Е. Непомнина «Дискуссионные проблемы истории Востока». Семинар продолжает традицию научных мероприятий, рассчитанных на широкое обсуждение спорных и актуальных вопросов истории Востока с древнейших времен до наших дней¹.

Продолжая темы, затронутые автором в предыдущих выпусках: цикличность истори-

ческого процесса в Китае [Непомнин, 2019] и его отличия от развития государственности в Японии [Непомнин, 2020], данная статья посвящена анализу политической надстройки Цинской империи. Автор рассматривает деспотию имперского Китая, раскладывая ее на составляющие «власть-собственность» и «класс-государство» и сравнивая с политическими процессами в средневековом Западе. Мощная государственная машина Цинской империи, подавляя любые проявления автономности населения, не давала шанса на появление класса активных «частников», оппозиционной религии или вольных городов.

1 Сайт семинара: <https://orient.ivran.ru/seminar> (accessed 16.04.2021).

Автор приходит к выводу, что в условиях вездесущего государства и инертного общества, китайская деспотия консервировала сама себя — и линейный путь развития Запада долгое время был недоступен Китаю. Китай ходил по кругу, избегая кризисов, позволивших ему выйти на новый виток формационного развития.

Ключевые слова: империя Цин, восточная деспотия, Восток и Запад, формации, власть-собственность, класс-государство, китайский тип феодализма

Для цитирования: Непомнин О. Е. Политический строй Цинской империи. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2021. № 1–2. С. 46–59. DOI: 10.18254/S268684310015777-2

Oleg E. Nepomnin (1935–2020), sinologist and orientalist with wide research interests, belonged to the most prominent theorists of the development of Eastern societies. In April 2021, based on the Department of the History of the East of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, the seminar named after Oleg E. Nepomnin — “Discussion problems of the history of the East” began its work. The seminar continues the tradition of scientific events dedicated to a broad discussion of controversial issues of Eastern history from ancient times to the present day.

Continuing the topics raised by the author in previous issues: The cyclical nature of the historical process in China [Nepomnin, 2019] and its differences from the development of statehood in Japan [Nepomnin, 2020], this article is devoted to the analysis of the political structure in the Qing Empire. The author examines the despotism of imperial China, decomposing it into the components “power-property” and “class-state” and comparing it with political processes in the medieval West. The powerful state machine of the Qing Empire, suppressing any manifestations of the autonomy of the population, did not give a chance for the emergence of a class of active “private traders”, a religion that could be opposed to the state, or free cities. The author concludes that in the conditions of a ubiquitous state and an inert society, the Chinese despotism preserved itself — and the Western linear path of development was inaccessible to China for a long time. China walked in a circle, avoiding crises that allowed it to enter a new round of formational development.

Keywords: Qing empire, Eastern despotism, East and West, formations, power-property, class-state, Chinese type of feudalism

For citation: Nepomnin Oleg E. The political system of the Qing empire. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier*. 2021. No. 1–2. Pp. 46–59. DOI: 10.18254/S268684310015777-2

Формационную природу средневекового Китая историки, социологи, экономисты и политологи квалифицируют по-разному: «китайский феодализм», «государственный способ производства», «традиционное общество». Наиболее значимой альтернативой «китайскому феодализму» остается «азиатский способ производства». При столь широком спектре формационных оценок единственным принятым всеми определением политической надстройки остается «китайская деспотия» — феномен, известный еще за две тысячи лет до н. э. В статье анализируются формы «китайской деспотии» в

виде, сохранившемся к рубежу позднего европейского Средневековья и Нового времени.

«ВЛАСТЬ-СОБСТВЕННОСТЬ» И «КЛАСС-ГОСУДАРСТВО»: СОБСТВЕННОСТЬ КАК ФУНКЦИЯ И ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ВЛАСТИ В ЛИЦЕ ВЕРХОВНОГО ПРАВИТЕЛЯ

На феодальном Западе земельные отношения находились преимущественно в частноправовой сфере. Однако в Китае они по традиции оставались в государственной правовой системе. Верхний горизонт земельных отношений в

Западной Европе базировался на правах частного феодала. Сначала это было правом его владения как сеньора и вотчинника, а затем — правом собственника. Сидевшие на его земле крестьяне попадали под действие частного феодального права, где действовало множество субъектов. В средневековом Китае подобного поля не существовало. Субъектом права выступало только сверхмогущественное государство — как монопольный собственник. Частные лица являлись скорее объектами, чем субъектами земельного права. Олицетворением земельной собственности в Китае выступал не частный феодал, как это было в Европе, а само государство, что резко повышало его роль в жизни общества. В итоге китайская деспотия господствовала не только в сфере политической надстройки, но и в социально-экономическом базисе.

В Западной Европе земельная собственность стала главным фактором существования класса частных феодалов. В частную собственность перешли не только поля, но и луга, леса и пустоши. Кому принадлежала земля, у того была и власть, т. е. собственность являлась источником политического господства. В Китае же классообразующим началом оказалась не земля, а верховная власть, благодаря чему бюрократия стала правящим «государственным классом». Так возник один из феноменов традиционного Китая — «класс-государство» [Непомнин, Иванов, 2010, с. 28].

Основанная на частной собственности социально-экономическая система стала в Западной Европе первичным, а власть — вторичным началом, прорастающим из сферы земельных отношений. Земельная собственность была выше власти и сильнее ее. В китайском же варианте первичной и самодостаточной стала власть, а поземельные отношения остались на втором плане. Если в Европе власть и собственность оказались разделенными, то в Поднебесной империи — слитыми воедино. **В истории Китая прерогативы правителя сложились раньше оформления частных имущественных прав, в результате чего право собственности стало монополией государства, прочно слившейся**

с ним. Поскольку собственником земли издавна выступала деспотия, ее подданным были оставлены лишь права владения и держания земли, а собственность являлась неотъемлемой принадлежностью власти. Власть выступала и как административно-политическое господство, и как монополия на право собственности. В Китае государство захватило и сделало прерогативой верхний горизонт имущественных прав, а подданные деспотии оказались либо владельцами, либо держателями земли, т. е. обладателями имущественных прав второго и третьего сорта. Такое массовое поражение в правах крайне обессилило хозяйственную активность социума в сфере долгосрочного предпринимательства.

В Поднебесной в условиях деспотизма государство не принадлежало обществу, как это было на Западе, а являлось «частной собственностью» верховного класса бюрократии. В Китае имела место только одна форма земельной собственности — верховная, непосредственно противостоящая частному владению землей. Став достоянием государства, «добычей» и монополией правящей бюрократии, собственность оказалась одной из функций власти и ее принадлежностью. Создание на этой почве амальгамы «власть-собственность» явилось одним из феноменов традиционного Китая.

Вторым феноменом был бюрократический «класс-государство», олицетворяемый монархом как главой деспотии. При необеспеченности прав личности и отсутствии частной собственности на землю он стал верховным земельным собственником, получателем налогов и доходов от разного рода трудовых и иных повинностей. Это были взаимоотношения не между собственником и владельцами, а между носителем власти и податным населением [Непомнин, 1974]. «Если не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит непосредственным производителям, как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или, вернее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой

формы земельной „ренты“, — писал К. Маркс [1951, с. 804]. Такая специфическая реальность как «рента-налог», явилась третьим феноменом китайской модели наряду с «властью- собственностью» и «классом-государством».

Поскольку в Китае власть была первичной по отношению к имущественным правам социума, именно деспотия определяла, кто имеет право на статус собственника, а кто должен довольствоваться положением владельца или держателя. Эти две последние категории имущественных прав государство милостиво оставило за подданными. Поскольку верхний этаж земельной системы был прочно занят бюрократией, все, кто имел право владения землей или обрабатывал ее на правах держания, автоматически подпадали под действие государственного права. Трехступенчатая пирамида земельных прав «верховная собственность — частное владение — частное держание» служила прочным фундаментом китайской деспотии, так как все «частники», т. е. владельцы и держатели, «сидели» на земельной собственности государства.

На феодальном Западе политическая власть находилась в руках тех, кто сначала владел землей, а затем стал ее собственником. Управленческие функции здесь оказались придатком частной собственности. В Китае же, где землей владели одни, а властью — другие, частное владение землей не вело к установлению власти над населением. Землевладение и политический статус чаще всего оставались не связанными друг с другом. Более того, власть и земля были разделены верховной силой — государством. Политический статус определялся не размерами наследственной или купленной земли, а ступенькой в чиновной иерархии. Для обретения власти частному землевладельцу надо было стать функционером госаппарата. Привилегии и материальные блага распределялись через систему должностей, чинов, рангов и степеней. Богатство приносило власть и обеспечивало политический статус лишь при обмене денег на власть, т. е. покупке должности, чина или ученой степени, тогда доходы от землевладения конверти-

ровались во власть, т. е. место в госаппарате. Так экономические «частные» позиции открывали доступ в коридоры власти. Однако временность и превратности бюрократической карьеры обусловили неустойчивость ненаследственного статуса.

Китайская деспотия мощно разъединила политический статус и землевладение. Соединить их можно было, только пойдя на поклон к бюрократии и отдав ей накопления от земельного владения, торговли и ростовщичества — отсюда проистекала высокая социальная мобильность. В Китае богатч мог купить себе место в управляющей, а то и в правящей структуре. Богатый «высочка» занимал новое, более высокое место в сословной иерархии, поднимаясь в среду «государственных мужей» и привилегированного сословия *шэньши*. Поскольку происходило «переманивание» частников-богачей в государственную систему, верховный класс являлся «открытым» — в него можно было войти «снизу» через механизм вертикальной мобильности: за деньги, заслуги, экзамены и отбор, по протекции. «Открытость» сословия *шэньши* в традиционном Китае служила для перекачки лучшего из других сословий, в последствии обессиливавшихся [Непомнин, 1980, с. 6].

Деспотия действовала как «вампир», отсасывая самую горячую и мобильную «кровь» из сферы экономики и социума простолюдинов. «Класс-государство» жил «соками» остальных подданных Сына Неба. Механизм такой социальной мобильности укреплял деспотию и гарантировал застойность общества.

Сверхразвитие китайского государства деформировало социум, не позволив ему развиваться в направлении, опасном для деспотии и ее бюрократии. Верховный «класс-государство» изначально парализовал возможность саморазвития среды частных крупных землевладельцев в господствующий класс. Правящая бюрократия не допустила превращения частного земельного владения в частную собственность. Становление частнособственнического социума с совершенно иной социальной психологией

оказалось прочно заблокированным. Китайская деспотия не позволила статусу человека подняться до уровня независимой самостоятельной личности. Государство не допустило развития частного права и верховенства закона — путь к созданию социума самостоятельных, охраняемых законом частных собственников оказался перекрытым.

В Западной Европе частная земельная собственность создавала для дворянства преимущества: осознание политической силы, право на организацию в рамках провинции или баронской лиги, экономическую самостоятельность, привилегированный сословный статус и престиж. А право самоорганизации, ношения оружия, вооружение вассалов и слуг позволяло бороться с короной и на поле боя. В Китае частное земельное владение не было гарантией подобных привилегий для бюрократии и лишь давало возможность ее потомкам вернуться в ряды верховного класса. В условиях средневекового Китая власть всегда оставалась намного предпочтительнее и надежнее, нежели частное начало, а тем более частная собственность как одиозное, почти криминальное и противозаконное начало.

Китайская деспотия как могла «угнетала» крупное частное землевладение, мешала его росту, ограничивала частных рентополучателей экономически, сословно и политически. Крупные частные землевладельцы встречали непреодолимые препятствия на пути так и несостоявшегося превращения в индивидуальных собственников и господствующий класс. Отсутствие майората в Китае и раздел земли поровну между наследниками резко ослабляли частновладельческое начало и усиливали власть чиновного класса — массовое дробление частного землевладения соответствовало потребностям деспотии [Непомнин, 1974].

Китайское государство, извечно рассматривавшее частный сектор экономики и его лидеров как угрозу господству, не защищало, а всячески ослабляло его позиции в землевладении, торговле, ростовщичестве и предпринимательстве. На Западе же была создана юридическая защищен-

ность частного от государства и частной собственности от произвола властей. Государство уступило важные юридические функции независимым от него судам и даже частным силам в лице городских магистров. На этой основе появились тщательно проработанные судебные процедуры и независимые профессиональные юристы, оберегавшие самостоятельность, объективность и авторитет. В позднефеодальной Западной Европе с укреплением частной собственности и верховенства закона создавались гарантии неприкосновенности частного имущества и безопасности личного богатства.

В традиционном же Китае сложилась иная ситуация. Здесь государство не выступало покровителем и защитником богатых «частников» ни в городе, ни в деревне. Чиновная деспотия не давала купцам, ростовщикам и предпринимателям правовых и практических гарантий неприкосновенности нажитых ими состояний. Незащищенность личности и частного имущества вынуждала богачей ограничивать масштабы деловых операций, превращать богатства не в функционирующий капитал, а в недвижимость и сокровища, не выставлять их напоказ, укрывая от жадных глаз властей. Происходило омертвление потенциального капитала в кладах и кубышках.

В средневековой Западной Европе независимые от центральной власти частные собственники — феодалы и горожане, обладая на местах юридической, экономической и военной властью, оказывали сильное влияние на государство. В традиционном Китае, напротив, могущественное государство подчиняло зависимых землевладельцев. Коллективное начало способствовало борьбе китайской деспотии против частного владельца, ограничивая свободу его действий не столько законами, сколько обычным правом и чиновным произволом.

В Китае не существовало жесткой системы наследственных аристократических титулов как основы класса феодалов. На Западе же феодальная система имела строго закрепленную иерархию земельной собственности, держаний и васалитета, политический статус обычно совпадал

с размерами собственности и держания, частная земля и власть дополняли друг друга в единой «связке». Земельная собственность оставалась в Европе основным источником власти. Европейской «частной» феодальной иерархии Китай противопоставил бюрократическую «табель о рангах». Должностные доходы, прежде всего от злоупотребления властью, намного превышали прибыли от землевладения, торговли и ростовщичества. Власть приносила богатство, трансформировавшееся затем в земельные владения.

«Класс-государство» в Китае выступал как особая организация, обладающая неконтролируемой властью над населением. Не только монарх, но и его двор являлись слагаемыми бюрократического класса. В рамках последнего функционировало и ближайшее окружение властелина: его родня, «канцлеры», регенты, «первые министры», фавориты-временщики. На этой почве родилось в Китае еще одно уникальное явление — евнухи-временщики и евнухи-чиновники, в том числе военачальники и дипломаты. Неслыханная для средневековой Европы роскошь и великолепие императорского двора маскировала бюрократическую сущность верхушки айсберга. Маскировка порождала ложную аналогию с ролью королей в Европе, с природой и функциями их дворов.

Китайская бюрократия резко отличалась от европейской и по составу. На Западе под бюрократией понимались только гражданские чиновники, так как военными начальниками выступали дворяне и знать. В Поднебесной господствующий класс включал в себя и штатских, и военных функционеров. Это были военачальники, полководцы-наместники, военные администраторы и «офицеры». Порой функции штатского и военного администрирования совмещались в одном лице. Власть в Китае зачастую была представлена военными функционерами и сановниками-военачальниками. Армейская бюрократия становилась сильнее штатского чиновничества. В других случаях, наоборот, гражданские бюрократы командовали военными, но и те, и другие выступали всего лишь как разные слагаемые

единого «класса-государства», как две фракции внутри бюрократического правящего сословия [Needham, 1969].

В конфуцианских странах с господством штатской бюрократии — Китае, Корее и Вьетнаме — переход богатого простолюдина в правящий класс происходил не напрямую, а через промежуточную инстанцию в виде привилегированного «ученого сословия» *шэньши*, являвшимся суббюрократией. В средневековом Китае функциональная бюрократия выступала правящим классом, а *шэньши* вне госаппарата служили его фундаментом. Иерархия чиновников и военных выполняла функции при помощи множества подручных: секретарей, писцов, служек, сборщиков налогов, посыльных и охранников. Персонал вместе с чиновниками, военными и монархом образовывали госаппарат. **Китайская деспотия являла собой «триаду» стандартного типа «правитель — бюрократия — низовые служители».** Монарх, даже считаясь Сыном Неба, был частью госаппарата и высшим звеном государственных функционеров. Так как в традиционном Китае существовала примитивная практика сбора налогов и пошлин, непропорционально большая доля собранного оставалась в карманах сборщиков. Деньги шли мимо официального бюджета, в результате чего государственный аппарат в средневековом Китае оказывался невероятно дорогостоящим.

Монополизация власти: Симбиоз деспотии «СВЕРХУ» И «СНИЗУ»

В целях противодействия могучему давлению «сверху» китайский «безличностный» социум не мог не создать «снизу» спасительные структуры защитного свойства: групповые, клановые, патронатные. В традиционном Китае деспотия насаждалась не только «сверху» — из центрального госаппарата, но и «снизу». Самой низкой ячейкой здесь была семья. В Китае власть главы семьи и Сына Неба оказались взаимосвязаны. Семья выступала как часть политической системы, как полугосударственный институт, где

власть главы поддерживалась низовой бюрократией. Если члены семьи не подчинялись приказу ее главы, то они наказывались в административном порядке «сверху». **Глава семьи по отношению к ее членам выступал в роли полуофициального полицейского.** В рамках патронимии или клана насаждалось то же самое. Глава патронимии считался полугосударственным уполномоченным, обладая соответствующей властью над данным коллективом. Деревенские старосты либо назначались властями, либо утверждались ими. Старосты были жестко привязаны к государству, обслуживая интересы бюрократии и деспотии, а не крестьян-односельчан [Непомнин, Позднеева, Степугина, 2019, с. 415].

Коллективистскому социуму Китая с его мощными вертикальными и слабыми горизонтальными связями идеально подходила политическая надстройка типа азиатской деспотии. Такой социум служил для надстройки надежным фундаментом, а она охраняла его антиличностную коллективистскую природу и корпоративную организацию нижних этажей системы. Неудивительно, что победители в очередной крестьянской войне или иноземном завоевании начинали не со слома деспотии, а с ее оздоровления на основе новых управленческих кадров [Непомнин, 2005]. Корни деспотии уходили глубоко вниз. Семья выступала как «микродеспотия» во главе с «правителем» в лице отца семейства. Из таких «микродеспотий» складывалась «малая деспотия», т. е. патронимия, или клан во главе с лидером. На уровне волости и уезда «малые деспотии» объединялись в «среднюю деспотию» во главе с начальником уезда и его аппаратом. Уездные деспотии складывались в окружные и областные, а те — в провинциальные или наместнические с верховым звеном в столице государства.

Европа, переболев недугом феодальной раздробленности, создала социум более здоровый, чем верховная власть. Именно благодаря резкому ослаблению централизованной монархии в период феодальной раздробленности там сложились независимые от государства силы: дворянство, церковь и города, ставшие мощными

противовесами и ограничителями королевской власти [Непомнин, Иванов, 2010, с. 29]. На базе трех оппозиционных сил начал формироваться социум свободных людей. В Китае вместо феодальной раздробленности западного типа происходило механическое дробление «класса-государства» — деление единой деспотии на однородные куски разных размеров.

Китайская государственная машина не допускала самостоятельной организации крупных, средних и мелких частных землевладельцев в любой форме и масштабах. Создание сословных или территориальных объединений крупных частных землевладельцев рассматривалось как враждебный государству акт, как начало вооруженного мятежа. Такие организации были вопиющим нарушением политических и социальных устоев традиционного общества. Мощь деспотии и ее монополия на власть, ее исключительное положение в сфере политики были несовместимы с наличием частных объединений и самостоятельных союзов частных лиц.

Существенно отличались друг от друга и вооруженные силы феодальной Европы и деспотического Китая. На Западе небольшое войско короля представляло собой лишь организационное «ядро». Вокруг него собирались «частные», т. е. независимые от государя, военные формирования: рыцарские отряды «баронов» и их вассалов, а также городские отряды. «Бароны» как вассалы короля вставали под его знамя лишь на время и на определенных условиях, согласно феодальному праву. Основу «армии» составляли не пехота из простолюдинов, а отборная рыцарская конница. Эта элитная ударная сила отличалась высокой индивидуальной военной подготовкой. В средневековом Китае в условиях азиатской деспотии не могло быть независимых от монарха «частных войск» и отрядов. Здесь все вооруженные силы государства полностью подчинялись властелину. Их командующие и командиры не обладали «частными» правами и автономией по отношению к трону. В этих войсках доминировали слепое повиновение власти, полное бесправие мобилизованной в армию массы пехотинцев и всадников.

Проблема сдержек и противовесов монархии связана с взаимоотношением светской и религиозной власти. Западный феодализм строился на их четком разделении. Католическая церковь стала носителем власти, сложившись в мощную организацию с иерархией властителей и централизованным управлением клира. Церковь превратилась в крупнейшего собственника земли — ей принадлежало около трети возделывавшихся земель, множество укрепленных монастырей и подвластных крестьян. Церковь оказалась сильным противовесом королевской власти. Одно время она даже вела борьбу со светской властью за лидерство в Европе. На феодальном Западе господствовавшая религия была независимой от светской власти вообще и от монарха в частности. Для Китая было характерно слияние светской и религиозной властей. Конфуцианство как господствующая «конфессия» не смогла структурироваться в независимую церковь, в организацию самостоятельную по отношению к государству. Государство включило духовенство в бюрократическую систему власти. Религия в Китае стала не противовесом деспотии, а ее интегральной частью [Needham, 1969].

Христианский Запад в средние века породил не только полную автономию церкви от государства, но и допустил открытую борьбу светской и духовной власти за лидерство в общественной системе. По окончании открытой борьбы оба типа политической организации сохранили независимость друг от друга. Противостояние королевской и церковной властей, наличие двух альтернативных полюсов создавало первые элементы идеологического и политического плюрализма Западной Европы. В средневековом Китае мощная государственная машина оказалась несовместимой с политически и экономически независимой церковью. Такая «конфессия» была поглощена бюрократической машиной, стала ее функцией и «отделом» государственного аппарата [Levenson, 2005, p. 120].

Другим сильным оппонентом королевской власти в Западной Европе стали города. Как са-

мостоятельная политическая организация город собирал собственные налоги, имел суд, казну, войско, крепостные стены и башни, правительство в лице городского совета, заседавшего в ратуше. Европейский город стал средоточием самоуправления, правосудия, самостоятельных корпораций, свободы хозяйствования и социальной свободы — «воздух города делал человека свободным». **В средневековом Китае город выступал цитаделью бюрократии, оплотом и средоточием государственной власти.**

Цехи, гильдии и землячества оказались «в объятиях» деспотии и под неусыпным контролем. Всевластие «класса-государства» в городах проявлялось наиболее ярко. На феодальном же Западе городская гильдия находилась под властью самого магистрата, а не под контролем центрального правительства. В Европе государство почти не облагало налогами городские корпорации. В городах большое развитие получила власть гильдий, а их главы часто становились руководителями городов. В Китае частные союзы были слабы и не представляли политической угрозы для деспотии. Глава цеха или гильдии являлся налоговым агентом государства [Непомнин, 1980, с. 6].

На базе возобладовавшего личностного начала в Западной Европе возродилась античная форма государства — республика, где высшая власть принадлежала выбранным на определенный срок органам и лицам. В недрах западного Средневековья возникли первая федеративная республика — Швейцарский союз, а также итальянские «города-республики»: Венеция, Генуя, Флоренция. В Германии такого рода республики были представлены вольными (Любек, Гамбург, Бремен) и имперскими городами с выборными магистратами. В этом же направлении развивались и городские коммуны.

Деспотическая власть в средневековом Китае не знала, что такое законодательные и общественные ограничители. Кроме самого государства, в стране не возникло ни одного конкурирующего и независимого от власти политического органа с реальным влиянием на социум. Здесь

не было и общественных сил, способных ограничить всевластие бюрократии. Со стороны «частника», т. е. землевладельца, купца и мануфактуриста такие шаги были невозможны. Законных средств сопротивления государственному произволу не существовало. Возможна была вооруженная борьба: восстания, бунты и крестьянские войны оставались единственным средством воздействия социума на власть в Китае. Западная Европа породила выборные органы, сословное представительство и сословные учреждения: парламент в Англии, Генеральные штаты во Франции, кортесы в Испании, рейхстаг и ландтаги в Германии. Эти органы ограничивали королевскую власть в нескольких общественных сферах. Подобных институтов в Китае не существовало, и даже отсутствовало понятие «сословное представительство».

Монарха в Западной Европе ограничивали юридические статусы других субъектов политической системы. Большую роль играли судебные инстанции и парламенты. Важным ограничителем королевской и императорской власти являлось благородное сословие — аристократия и потомственное дворянство с правами и привилегиями. Феодалное право и традиции переплетались между собой. В Западной Европе частные права, обязанности, привилегии и ограничения в частнофеодальной системе были либо зафиксированы в законах, либо закреплены обычаями, что ограничивало произвол. На страже закона стояли независимые от королевской власти суды, а также независимые от короны профессиональные юристы (легисты), опиравшиеся на различные виды права: римское, церковное (каноническое) и салическое. В судебной практике традиционного Китая не было эффективных законодательных ограничений власти. Законодательство не давало гарантий защищенности индивида от бюрократического произвола, который был сильнее юридической справедливости судебного разбирательства. Для властей не существовало законодательных преград для произвольного изъятия «лишнего» капитала и богатства «частника».

В Поднебесной испокон веков действующим законам придавалось значительно меньше значимости, чем традициям, обычаям и морально-этическим нормам. Частного права как такового не существовало. Судопроизводство и законотворчество находилось в руках правящей бюрократии. Власть государства над подданными и налогоплательщиками не была ограничена законом, создавая возможность произвола по отношению к податному населению. Власть монарха и его воля стояли выше писаных установлений и законов. Как дарованная свыше, она не зависела от социума и не нуждалась в юридическом обосновании, как и верховная собственность монарха на земли в государстве. В Китае монарх мог обходиться с мешающим ему законом, как заблагорассудится — изменить, отменить, трактовать иначе, либо не замечать. Формальная ограниченность деспота законом оказывалась показной. Буква закона и решения судебных инстанций для китайской деспотии мало значили.

На средневековом Западе сложилось «многополюсное общество», т. е. система с несколькими взаимно контролирующими «центрами власти». Система сдержек и противовесов способствовала становлению частной собственности и личностного начала, создала условия для модернизации экономического базиса, социума и политической надстройки. В средневековом Китае независимых от власти и «внешних» по отношению к ней сил не существовало. Моноцентризм традиционного Китая укреплял циклический тип эволюции с его очищающим систему механизмом, с реставрацией старого, самовоспроизводством базовой структуры. Это оборачивалось «хождением по кругу», стагнацией и общественным застоём. Запад получил возможность постепенно обгонять Китай, хотя Среднее государство было намного богаче полунищей Западной Европы.

«МОГУЧЕЕ ГОСУДАРСТВО — БЕССИЛЬНЫЙ СОЦИУМ»

У западного и китайского государства был различный генезис. В древности в период Шан-

Инь (商殷) верховная власть возникла раньше организованного общества. В последующем государство заставило народ служить себе. В античном мире Запада общество сложилось, если не раньше государства, то одновременно с ним — верховная власть оказалась мягко встроенной в социум, а не жестко стоящей над ним. В такой связке скорее общество держало государство в уезде, а не наоборот, хотя периоды доминирования государства встречались и на Западе. Феодалная раздробленность и ослабление государства явились тяжелым испытанием для Западной Европы, но они послужили укреплению частного начала. «Децентрализованным» феодалам средневековой Европы традиционный Китай противопоставил «централизованную» бюрократию — военную и штатскую. Организованное чиновничество оказалось особым классом, опасным для поступательного развития общества.

В Западной Европе экономический базис и социум оказались сильнее политической надстройки. Они заставляли ее служить им и могли изменять ее по своей надобности, в русле их эволюции. Изменяясь сами, они трансформировали и обновляли государственную власть. В Китае надстройка изначально оказалась сильнее базиса. Восточная деспотия практически подчинила экономику и социум. Господство государства резко затормозило эволюцию социума и перекрыло дорогу его комплексному развитию. Китайская деспотия не дала возможности сформироваться тому, что на Западе легло в основу саморазвивающегося общества: частной собственности, самостоятельной личности, гарантий ее защищенности. Оказывая мощное давление на подданных, государство в Китае не позволило создать разветвленную структуру социума, не допустило его превращения в самостоятельный субъект эволюции.

В Западной Европе верх взяли общественные силы, опиравшиеся на нерушимую частную собственность. В Китае же сохранялось господство бюрократического класса, опиравшегося на государственную власть и казну при слабом частновладельческом социуме. В первом случае

общество оказалось сильнее государства, во втором — деспотия подмяла социум с его постоянно дробимыми при разделе наследства частными земельными владениями. Правящий в Китае бюрократический класс по мощи и роли намного превосходил класс частных «богачей» — крупных и средних землевладельцев. Правя социумом, верховный «класс-государство» помыкал подчиненными ему «частниками».

Усиление деспотии происходило в Китае обратно пропорционально ослаблению социума. Чем мощнее и активнее становилось государство, тем пассивней и слабее оказывалось население. Власть над «частными» классами и сословиями жестче приобретала не только функции контроля, но и запретительства. Уже не общество формировало государство, а власть держала социум в нужных параметрах. Историческая инициатива прочно оказалась в руках госаппарата. Верховный бюрократический класс возглавил социальную иерархию и сословную пирамиду.

Деспотия жила не интересами подданных, а нуждами госаппарата: чиновничества, военных, полицейского и фискального персонала, придворных кругов. Как главенствующее начало выступали потребности и воля «класса-государства». Нужды и интересы социума, его эволюция приносились в жертву интересам правящей бюрократии. Если на Западе государство служило обществу, то в Китае социум обслуживал деспотию. В первом случае общество стояло выше государства, а во втором — институциональный пласт политической надстройки доминировал над «частными» классами, слоями, сословиями и их социальными интересами. Находясь в таких условиях не одну тысячу лет, китайский социум воспроизводил себя в азиатско-деспотическом духе. В результате длительного и интенсивного воздействия «сверху» население стало не только отражением надстройки, но и было вынуждено подстраиваться под ее принципы и требования. Социум «работал» на деспотию. На Западе действовал принцип «каково общество, таково и государство», а в Поднебесной — «какова власть, таков и социум».

В отличие от Запада в Китае не началось формирование гражданского общества. Население было устранено от принятия, либо оказания влияния на принятие решений по политическим, социальным и экономическим вопросам. Уделом социума остались выплата налогов, отбытие повинностей и беспрекословное подчинение указаниям властей. Социум азиатского деспотизма можно лишь весьма условно считать обществом. Точнее всего назвать его народом, или массой обывателей в системе «поголовного рабства подданных восточной деспотии». На Западе, где государство стало подчиненной функцией общества, верховная власть жила по его «сценарию». В Китае машина власти жила по правилам госаппарата, расходуя огромную часть прибавочного продукта на поддержание, укрепление и расширение сверхмогучего военнобюрократического механизма.

Поскольку на феодальном Западе общество оказалось сильнее государства, последнее служило первому, т. е. обслуживало его, управляло, но не правило. В силу того, что в средневековом Китае государство было мощнее социума, госаппарат не только управлял делами, но и в полном смысле слова правил народом. **Если в Европе сложилась дихотомия «сильное общество — слабое государство», то в Китае имела место совершенно иная позиция, а именно «могучее государство — бессильный социум».** Дихотомия Запада открывала дорогу к всестороннему прогрессу. Китайский вариант тиражировал застой, так как социум был придавлен и скован тяжестью деспотии. Чем сильнее становилось государство, тем больше жизненных соков страны тратилось на поддержание машины подавления. Чем мощнее была бюрократия или ее военный аналог, тем слабее становились «частные» классы, слои и сословия. Чем выше была власть чиновничества и военных, тем ниже оказывался статус «частника», тем очевиднее было отрицание личности и статуса индивида. Чем сильнее и активней становилось государство в сфере экономики, тем слабее было развито рыночное начало, и тем менее свободным

оно оказывалось от чиновных контроля и диктата. Складывались стандартные формулы китайской деспотии: «сильное государство — слабый народ», «богатая казна — бедное население» и «сакральная державность — коленопреклоненный социум» [Elman, 1984].

Китайская деспотия выступала как абсолютная власть — автократия, или самодержавие. Если в Западной Европе закон стоял выше короля, то в Поднебесной монарх был выше закона. Даже при наличии Цензората над государем не существовало контрольного или ограничительного начала. Здесь отсутствовало разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную, на гражданскую и военную, на светскую и духовную — носитель власти соединял все ее виды. Отсутствовал принцип разделения самой власти и служебных обязанностей. Китайская деспотия отличалась от западноевропейской государственности слитностью воедино ветвей и видов власти: бюрократическая система выступала как всеобъемлющая власть с мощным военно-чиновным и фискальным аппаратом.

Бюрократия присвоила монопольное право в нескольких экономических сферах: добывающей промышленности, крупном строительстве, изготовлении денег и оружия, лицензированной торговле солью и чаем. Вводя монопольное лицензирование, государство допускало в них только «своих людей» — привилегированных купцов, доверенных скупщиков и агентов, получавших особые права. Аналогичный режим казна временами вводила во внешней торговле и производстве предметов роскоши. Унаследовав от эпохи древности практику самовольного налогообложения и сгона податного населения на выполнение трудовых повинностей, казна демонстрировала бесконтрольность и властный произвол в фискальной сфере, как и в области судебного разбирательства. Ограбление богатого «частника» становилось обыденной практикой.

Набеги и завоевания кочевников наносили главный урон не государственному началу пострадавшей страны, а ее социуму, при ослаблении которого укреплялось государство как анти-

под общественного начала. Усиливалась деспотия как якобы универсальный «защитник» от угроз. После каждого завоевания государство вновь набирало особую силу за счет разоренного номадами социума. От активности степняков в выигрыше оказывалась политическая надстройка: номады «работали» на деспотическую систему — этот трагический парадокс стал одной из закономерностей истории Китая. Крайне опасное соседство с воинственными кочевниками требовало особой мобилизационной готовности, собранности и оборонных усилий, что повышало роль государства, централизованной бюрократии и сверхсильной власти монарха [Непомнин, 2005]. Западная Европа, практически не знавшая внешней опасности такого рода, не нуждалась в экстраординарной централизации и мобилизационной готовности. Западные государства, в том числе мелкие и мельчайшие, могли спокойно заниматься междоусобной борьбой в обстановке феодальной раздробленности.

После многих веков взаимной борьбы верховная власть, различные сословия, классы, слои и организации в позднесредневековой Западной Европе пришли к взаимному учету чужих интересов и создали баланс взаимных договоренностей — письменных и неписанных. В Китае «класс-государство» навязал непререкаемую волю социуму, заставив его молчать и подчиняться. Здесь не осталось места для взаимных договоренностей западного типа и учета чужих интересов. Возобладав над обществом, государство резко затруднило консолидацию неправительственных сил и предотвратило организационное оформление оппозиционных групп. Внегосударственные силы смогли сохранить автономное существование лишь в сфере экономики и социума без выхода на уровень политического влияния.

Китайская деспотия была несовместима с созданием параллельных или конкурентных, неподконтрольных ей организаций и сил. Их возникновение не допускалось, а появившиеся либо уничтожались, либо низводились до безопасного уровня или состояния. Организа-

ционная деятельность стала монополией бюрократического класса, только он один обладал монополией на все виды власти и политические инициативы. Не только крупные «частные» землевладельцы, но суббюрократия не имели права на несанкционированные «сверху» собрания и организованные действия, не говоря уже о создании объединений «снизу». В отличие от Западной Европы в средневековом Китае не было общественных сил и институтов, способных контролировать государственную власть извне. Но существовали институты внутреннего самоконтроля, например, Цензорат (Палата контролеров). Деспотия контролировала себя с целью оздоровления системы [*Социальная структура Китая...* 1990].

Государство на Западе стало «комитетом по управлению» делами частных феодалов и орудием подавления эксплуатируемых низов. В Китае же верховная власть возникла и укрепилась как самодовлеющая сила, находящаяся вне зависимости от «частных» сословий и классов. В итоге в Европе государство играло служебную роль, а в Поднебесной стало определяющим фактором в социально-политической сфере. В то время, как на Западе постепенно складывалось государство нового типа, т. е. учитывающее интересы различных сословий, классов и социальных слоев, в Китае законсервировался традиционный тип государства с приоритетом методов принуждения и охранения господства бюрократического класса. Специфические отношения между обществом и государством на Западе вели начало от греко-римской античной традиции. Пройдя через Возрождение, Реформацию и Просвещение, Европа выработала практическое и рациональное отношение к государству как рабочему механизму для служения интересам общества.

В Китае, где идея государства относилась к высшим ценностям цивилизации, власть облекалась в одежды сакральности, ей придавался надчеловеческий ореол иррациональности и духовности. Китайское государство стало объектом поклонения, близким к религиозному. Универсальной «религией» Китая было обо-

жествление верховной власти императора, т. е. религиозное почитание провиденциальной миссии Великого Государства по отношению к коленопреклоненному и безгласному социуму. В специфической идеологической атмосфере сложилось почти религиозное отношение к вездесущему государству.

Китайская бюрократическая машина преподносила себя как защитницу народа от жадности и насилия со стороны «частников»-землевладельцев, купцов и ростовщиков. Наряду с явным лицемерием существовало и глубокое убеждение, что народ без попечительства государства обойтись не может и погибнет от лап корыстных «частников». Его естественным спасителем мог быть только «честный чиновник» и «праведный государь». «Поголовное рабство», т.е. юридическое бесправие социума, маскировалось принципом равенства подданных перед лицом императора, не связанного по отношению к ним законодательными ограничениями. Монарх должен был выполнять функции «отца», «благодетеля» и «опекуна» народа. Государь считался «защитником» бедных и слабых от произвола богатых «частников» и нечестных чиновников. Китайская деспотия пропагандировала себя в качестве «опекунского», или патерналистского института. На щит поднимался идеал честного и деятельного чиновника — «защитника народа» и «радетеля». Служение «народному благу» в рамках официальной морали становилось идеологическим знаменем оздоровления бюрократической системы.

В личной средневековой Европе верх взяли договорные отношения с установлением взаимных прав и обязательств договаривавшихся сторон. Феодалный договор между сюзереном и вассалом, между короной и городом заключался на заранее установленных условиях. Такого рода отношения были неотделимы от победивших на Западе личного и правового начал. Китайская деспотия была несовместима с договорным началом. Здесь царили смирение подданных и слепая покорность, «благоразумное»

повиновение и холопское восхищение властью.

В Китае все подчинялось идее всеобщего служения государству, охватывавшей социум и ставившей выше всего безличностные властные отношения по вертикали. Им подчинялись и отношения личной взаимозависимости внутри госаппарата, сословий и традиционных низовых коллективов, т. е. связи, неизбежно возникавшие по горизонтали. Вертикальные отношения прочно доминировали над горизонтальными во всех сферах жизни государства и социума. Если Западная Европа превозносила службу вассала сеньору, т. е. службу одной личности — другой, то Китай культивировал обезличенное служение чиновника безличностной системе — государству. На Западе «бароны» как носители личностного начала служили другой личности — королю. И для низших вассалов, и для знати служба была ограничена временем и определенными взаимными условиями, т. е. носила форму двустороннего соглашения. В бюрократической китайской иерархии не было ни ограничений, ни условий, ни договорных отношений [*Социальная структура Китая...* 1990].

Личностный феодализм в Европе культивировал достоинство аристократа и рыцаря. Дворянину было достаточно отвесить монарху поклон или встать перед государем на одно колено. В безличностном Китае перед властителем следовало пасть ниц на оба колена и оба локтя, коснувшись лбом пола, так же, как и перед его наместником. Церемониал точно характеризовал разницу между природой власти в Европе и в Китае.

На рубеже Средневековья и Нового времени между застывшим в старых традициях Китаем и саморазвивавшейся Европой пролегла глубокая пропасть. В то время как на Западе на базе личного начала и частной собственности, развития самостоятельности, собственного достоинства и личной инициативы постепенно формировалось гражданское общество, в Китае

сохранялась и крепла деспотия, царил сервиллизм [Непомнин, 2011, с. 10]. Всесильное государство не могло предложить населению ничего, кроме периодического «оздоровления» правящего бюрократического класса — усложнения и расширения госаппарата, смены монархов и династий, замены одних правящих группировок и придворных клик на другие, т. е. перетасовку одной колоды карт. Обогащение бюрократического класса шло в ущерб интересам государства. Разложение чиновных и военных кадров подтачивало государственную машину изнутри и приводило к смене правящей верхушки. В системе была заложена повторяемость традиционного сценария: «разложение — оздоровление — очередное разложение — очередное выздоровление»².

В позднесредневековой Европе абсолютистское, т. е. централизованное государство выросло из обновленного в ходе феодальной раздробленности общества. В Китае социум остался прежним — подавленным и неподвижным, а деспотия сохраняла статус-кво. Сила и долговечность деспотии базировались на застойности экономических и социальных структур, незыблемости политических традиций и идеологических основ. Китайская деспотия представляла собой отнюдь не форму, а именно тип государственности, ее нельзя свести к самовластию, самодержавию или к произволу и тирании. Деспотия также не ограничивалась сферой политической надстройки — корни этого феномена пронизывали все традиционное общество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Маркс К. *Kapital*. Т. III. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. — 932 с. [Marx K. *Das Kapital*. Vol. III. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1951. — 932 p. (in Russian)].

Непомнин О. Е., Иванов Н. А. *Типология азиатских обществ*. М.: Восточная литература, 2010. — 440 с. [Nepomnin O. E. *Typology of Asian Societies*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2010. — 440 p. (in Russian)].

Непомнин О. Е. *История Китая. XX век*. М.: Крафт+, 2011. — 736 с. [Nepomnin O. E. *History of China. 20th century*. Moscow: Kraft+, 2011. — 736 p. (in Russian)].

Непомнин О. Е. *История Китая. Эпоха Цин. XVII – начало XX века*. М.: Восточная литература, 2005. — 712 с. [Nepomnin O. E. *History of China. The Qing Dynasty. 17th – Early 20th Century*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2005. — 712 p. (in Russian)].

Непомнин О. Е. Китай в контексте мировой истории. *Восточный курьер*. 2019. № 1–2. С. 62–76 [Nepomnin O. E. China in the Context of World History. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier*. 2019. No. 1–2. Pp. 62–76 (in Russian)].

Непомнин О. Е. Китайская и японская модели традиционного общества. *Восточный курьер*. 2020. № 3–4. С. 51–68 [Nepomnin O. E. Chinese and Japanese Models of Traditional Society. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier*. 2020. No. 3–4. Pp. 51–68 (in Russian)].

Непомнин О. Е., Позднеева Л. Д., Степугина Т. В. *Китайская культура. Древность, Средневековье, Новое и Новейшее время*. М.: ИВ РАН, 2019. — 532 с. [Nepomnin O. E., Pozdneeva L. D., Stepugina T. V. *Chinese Culture. Antiquity, Middle Ages, Modern and Contemporary Time*. Moscow: IOS RAS, 2019. — 532 p. (in Russian)].

Непомнин О. Е. *Социально-экономическая история Китая. 1894–1914*. М.: Наука, 1980. — 368 с. [Nepomnin O. E. *Socio-Economic History of China. 1894–1914*. Moscow: Nauka, 1980. — 368 p. (in Russian)].

Непомнин О. Е. *Экономическая история Китая (1864–1894 гг.)*. М.: Наука, 1974. — 304 с. [Nepomnin O. E. *Economic History of China (1864–1894)*. Moscow: Nauka, 1974. — 304 p. (in Russian)].

2 Sivin N. Why the Scientific Revolution Did Not Take Place in China — Or Didn't It? Science in Ancient China. Aldershot, Hants: Variorum, 1995. URL: https://www.sas.upenn.edu/~nsivin/from_ccat/scirev.pdf (accessed 17.04.2021).

Социальная структура Китая. XIX – первая половина XX в. Отв. ред. О. Е. Непомнин. М.: Наука, 1990. — 436 с. [*The Social Structure of China. 19th– First Half of 20th Century.* О. Е. Nepomnin. (Ed.) Moscow: Nauka, 1990. — 436 p. (in Russian)].

Elman B. A. *From Philosophy to Philology: Social and Intellectual Aspects of Change in Late Imperial China.* Cambridge: Harvard University Press, 1984. — 368 p.

Levenson J. R. *Confucian China and Its Modern Fate: The Problem of Intellectual Continuity.* Vol. 1. London: Routledge, 2005. — 248 p.

Needham J. *The Grand Titration: Science and Society in East and West.* London: Allen and Unwin, 1969. — 352 p.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ /
ELECTRONIC SOURCES

Sivin N. Why the Scientific Revolution Did Not Take Place in China — Or Didn't It? *Science in Ancient China.* Aldershot, Hants: Variorum, 1995. URL: https://www.sas.upenn.edu/~nsivin/from_ccat/scirev.pdf (accessed 17.04.2021).

